

ФЕСЕНКО Эмилия Яковлевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, заместитель директора по научной работе Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор 58 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и 4 учебных пособий

«РУССКИЕ ГАМЛЕТЫ» В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА

В статье рассматривается эволюция типа «лишнего человека» в русской литературе второй половины XIX века на материале романов И.А. Гончарова. Обломов и Райский даны в сопоставлении с героями А. Пушкина, М. Лермонтова, И.Тургенева, А. Чехова.

Ключевые слова: «лишний человек», тип героя, архетип, романтик, художественное обобщение.

Русская литература весь XIX век провела «в поисках личности», что особенно ярко проявилось в произведениях, героем которых стал «лишний человек». И в романе И.А. Гончарова «Обломов» проблема состояния общества и его влияния на активность личности стала важнейшей, а его герой, несмотря на то, что в нем, живущем в атмосфере барства и рабства, бездушного бюрократизма и активизирующегося в России делячества, произошло трагическое «затухание» личности, был высоко оценен такими разными по идеологической ориентации критиками, как Н.А. Добролюбов («Обломов есть лицо не совсем новое в нашей литературе. Это коренной, народный наш тип, от которого не мог отделаться ни один из наших серьезных художников»¹) и В.В. Розанов («Нельзя о “русском человеке” упомянуть, не припомнив Обломова... <...>Таким образом, та “русская суть”,

которая называется русскою душою, русскою стихиею, и которая во всяком случае есть крупный кусок нашей планеты и большое место всемирной культуры, – эта душа или стихия получила под пером Гончарова одно из величайших осознаний себя, обрисований себя, истолкований себя, размышлений о себе»²).

Обломов как тип сложился в 40–50-е годы XIX века. Он был одним из многих: «Да я ли один? Смотри: Михайлов, Петров, Семенов, Алексеев, Степанов... не пересчитаешь: наше имя легион». И.А. Гончаров предугадал и определил трагическое состояние, переживаемое людьми, которые не могли понять, отчего опускаются руки когда-то деятельного человека, отчего опустевает душа, появляется неверие в свои силы. Ответ на эти вопросы могло дать только понимание процессов, происходящих в общественной жизни России.

Н.А. Добролюбов включил Илью Ильича Обломова в разряд «лишних людей». Судьба гончаровского героя была типичной для многих людей из круга дворянской интеллигенции XIX века. Обломов и нарисован в гончаровском романе как «итоговый», уходящий тип носителя дворянской культуры. Между ним и «лишними людьми» есть много общего, о чем говорил сам писатель, сравнивая своего героя с Печориным и Бельтовым в письме С.А. Никитенко от 8 июня 1860 года: «У них горизонт был широк, натура богата, а пищи не было, и они затерялись»³. «Лишние люди» протестовали против фальшивой морали светского общества, но если в 20–30-е годы «среди томительной и тлетворной духоты и засухи» (В.Г. Белинский) всякое слово о свободе, справедливости было важным, то в 50-е нужно было найти ответы на вопросы «кто виноват?» и «что делать?», а «лишние люди» этого сделать не смогли. По признанию Гончарова, «Обломов был цельным, ничем не разбавленным выражением массы, покоившейся в долгом и непробудном сне и застое... Не было частной инициативы; самобытная русская художническая сила сквозь обломовщину не могла прорваться наружу...»⁴ Позже Д.С. Мережковский выделял Обломова среди «лишних людей»: «Обломов проще: у него нет напускного байронизма и фразерства, которые отличали Чацкого, Онегина, Печорина, Рудина»⁵. И Н.Д. Старосельская считала, что «в личности Ильи Ильича, в его склонности к бездействию наблюдению пороков доставшейся ему эпохи» выведен «принципиально новый *тип*», который «олицетворяет философское ничего-неделанье, осознанное отчуждение от окружающей среды, которая предельно раздражила ум и душу молодого провинциала, попавшего из сонной Обломовки в столицу»⁶.

Критики демократического направления объясняли крайнюю степень инертности Обломова как результат паразитической патриархально-помещичьей жизни, которая привела к тому, что «ищущие проявления силы обращались внутрь и никли, увядая», так как «главным в воспитании Илюши было ограждение его от

обязанностей, самостоятельности и более всего от труда», о чем рассказано в главе «Сон Обломова». Д.С. Лихачев рассматривал обломовский образ жизни как русское явление: «Спит не Обломов – спит природа, спит Обломовка, спит быт. Вневременность подчинена быту – сонному, неизменяющемуся. В Обломовке нет ничего внезапного, ничего совершающегося не по календарю... <...> время в Обломовке не имеет особого значения»⁷. В.К. Кантор продолжил развивать эту мысль: «Заметим, что эта “вневременность” – потеря жизнеспособности свойственна не одному Обломову, в этом образе просто концентрированное, чем в других, выразилась боль и тоска всей русской литературы. “Обломов есть лицо не совсем новое в нашей литературе... Это коренной, народный наш тип, от которого не мог отделаться ни один из наших серьезных художников”, – замечал Н.А. Добролюбов¹, выстраивая вереницу сонных, спящих или полуспящих героев: Онегина, Тентетникова, Бельтова, Печорина, Рудина, к ним можно прибавить и толстовского Облонского (не случайна, видимо, звуковая перекличка имен: Обломов – Облонский), чеховского Ионыча... Мы знаем из былин, сколь важное значение имело пробуждение Ильи Муромца, столь же важно было для России, проснется ли Илья Обломов»⁹.

«Пороком русской жизни» считал жизнь Обломова Д.И. Писарев, по-своему объясняя явление «обломовщина»: «Илья Ильич Обломов, герой романа, олицетворяет в себе ту умственную апатию, которой г. Гончаров придал имя обломовщины» <...> Таких людей должно жалеть, во-первых, потому, что в них часто бывает много хорошего, во-вторых, потому, что они являются невинными жертвами исторической необходимости»¹⁰. Не надо забывать о душевных страданиях Обломова, когда он задавал себе вопрос: «Когда же жить?.. Когда же наконец пускать в оборот этот капитал знаний, из которых большая часть... не понадобится в жизни? Политическая экономия, например, алгебра, геометрия – что я стану с ними делать в Обломовке?». Он много думал о своей жизни, «пуская

в ход свои нравственные силы». И.А. Гончаров сострадал своему герою: «Никто не знал и не видел этой внутренней жизни Ильи Ильича: все думали, что Обломов так себе, только лежит да кушает на здоровье, что больше от него нечего ждать, что едва ли у него вяжутся мысли в голове. <...> О способностях его, об этой внутренней вулканической работе пылкой головы, гуманного сердца знал... Штольц».

Обломову бывало страшно, когда он задумывался о назначении человека в контексте его собственной жизни: «Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил <...> В робкой душе его вырабатывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты и ни одна не разработана до конца».

В.А. Недзвецкий считал, что в романе И.А. Гончарова показан «в высшей степени идеалист» Илья Ильич Обломов, что писатель, исследуя человеческие характеры, открывает тип, который, будучи коренным русским типом, в то же время заключает в себе свойства архетипа, какой еще не был запечатлен в мировой художественной литературе. Не оспаривая выводы В.А. Недзвецкого о «сомасштабности» образа Обломова, «сквозь облик которого» – «облик русского патриархально-идиллического барина» – «зримо проступали черты «коренных общечеловеческих типов», как в Гамлете и Дон Кихоте, так как в нем своеобразно объединились трагические и комические начала обоих, и потому он может считаться их «современным, национально-неповторимым “преемником” и “подобием”»¹¹, все-таки хочется уточнить, что в Гамлете, Дон Кихоте, Дон Жуане воплощены архетипические черты определенных психологических качеств людей, живущих в разных эпохах, в разных странах, принадлежащих к разным сословиям, нациям и социальным группам. Их имена стали нарицательными. В любой точке мира, если человека назовут именами этих литературных героев, будет понятно, что он из себя представляет. Обломов же – исконно русский тип, как Манилов, Чичиков,

Собакевич, Ноздрев, Хлестаков, Иван Карамазов, и, несомненно, относится к архетипам, только не мирового значения.

Вл. Соловьев утверждал, что «отличительная особенность Гончарова – это сила художественного обобщения, благодаря которой он мог создать такой всероссийский тип, как Обломов, равного которому *по широте* мы не находим ни у одного из русских писателей»¹². Определяя Обломова как «всероссийский тип», Вл. Соловьев, указывая на то, что И.А. Гончарову удалось выявить один из архетипов русской культуры, который не может быть исчерпан ни временем, ни социальной средой. «Я инстинктивно чувствовал, – замечал Гончаров, – что в эту фигуру вбираются мало-помалу элементарные свойства русского человека»¹². По мысли В.К. Кантора, «в душе его отзеркаливает не только Обломовка, но и нечто другое: он знает, как надо жить, знает, что есть история, но укорененный в архетипических глубинах доисторической образ жизни затягивает его»¹³.

Только ли личные слабости Ильи Ильича не позволили ему реализовать подлинную «норму» жизни? Только ли идиллическая «обломовщина» повинна в этом? К печальному выводу о несовместимости идеала с новым веком Гончаров пришел еще в «Обыкновенной истории». Размышляя об эволюции взглядов писателя, В.А. Недзвецкий проводил параллель между Александром Адуевым, Борисом Райским и Ильей Обломовым, находя в них общие черты: все они являются представителями переходного времени, выраженное своеобразной оппозицией *Обломовка / Петербург, Россия / новая Россия*, отмечая, что И.А. Гончаров различал в современной действительности три типа человеческого существования: застойную «обломовщину», жизнь-суету и, наконец, способ должный, идеальный, пребывающие в противоборстве между собою. От того или иного его исхода в конечном счете и зависела счастливая или, напротив, трагическая участь личности¹⁴. М.В. Отрадин романную трилогию писателя трактует как перечень вариантов жизненного финала русского идеалиста, которого в конце

пути либо ждет компромисс (Александр Адуев), либо радикальное обособление от живой реальности (Обломов), либо, наконец, «творческая сублимация» (Райский)¹⁵.

И.А. Гончаров, рассказывая истории жизни своих героев, умел вместить в них жизнь отдельного человека (да и всего человечества) в его главных «возрастах» – идиллическом детстве, героической юности и мудрой, однако еще не обретенной зрелости, что уловил датский переводчик И.А. Гончарова П.Г. Ганзен: «Я в трех типах – Александре Федоровиче, Обломове и Райском – вижу не только типы трех разных периодов русского общества, но вместе с тем изображение человека вообще на трех ступенях жизни. Каждый из нас, блуждая, вспыхивал, – потухал и рвался, стремясь к идеалу...»¹⁶, не сумев найти свою дорогу в жизни. Так, по замечанию В.А. Котельникова, «Обломов не нашел своего слова, чтобы ответить на свой “гамлетовский вопрос”, вопрос своей эпохи»¹⁷. С ним соглашается Ю.М. Лощиц: «Прикованный к подушке золотыми цепями своей грезы об утраченном рае, Илья Ильич в... сне творит одну из самых беззащитных, хотя по-своему и обаятельных, идиллий, которые когда-либо грезились человеку»¹⁸. И.А. Гончаров в образе Обломова показал «трагедию русского сознания, не окрашенного байронической мрачностью, но тем не менее оказавшегося на обочине – по вине собственной и по вине общества, разделившего свои интересы так, что Обломовым места не нашлось»¹⁹. Писатель остро ощущал всю противоречивость и сложность человеческих отношений и отношений человека с миром. Об этом он говорил в романе «Обрыв».

Борис Райский был задуман И.А. Гончаровым как тип человека 40-х годов, о чем говорил в своей статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879). Такие люди, как Райский, жаждали перемен, но не были способны к действию. В этом смысле он напоминал Чацкого, Рудина, героя некрасовской поэмы «Саша» Агарина. В нем соединились черты романтика, «лишнего человека» и нигилиста.

Так кто же он – Борис Райский? Очередной тип «лишнего человека», оказавшегося в

России 60-х годов? «Сын Обломова», как называл его И.А. Гончаров? Новый герой, который должен был появиться, чтобы совершить что-то дельное в жизни? Свои вопросы задает и Н.Д. Старосельская: «Парадокс? Очередная загадка, которую оставил нам Гончаров? Или затаенное предупреждение не просмотреть суть героя в суете его повседневной жизни, не упустить главное в нем: то глубинное, что делает его порой alter ego писателя? Скорее всего, именно так, хотя в статье «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”» И.А. Гончаров пишет: “Райский собственно по натуре своей есть безличное лицо, форма, непрерывно отражающая мимоидущие явления и ощущения жизни и окрашивающаяся в колорит того или другого момента.

По природе своей он честен, добр, благороден: может возвышаться сердцем и умом по развитию своему до великодушия и самопожертвования; но до сердца и ума редко доходит решение его жизненных интересов. Фантазия и нервы на каждом шагу разбивают в прах его добрые намерения”»²⁰. Исследователь рассматривает Райского как «странного, непривычного героя», предтечу совершенно нового типа личности в русской литературе, которая позднее стала главенствующей в творчестве А.П. Чехова, так как Райский «открывает череду героев-интеллигентов, одновременно раздражающих и вызывающих глубокое сострадание своим трагическим бездействием в общественной ли, в обыденной ли жизни»²¹.

В XX веке в России неожиданно вспыхнул интерес к гончаровским героям, в которых писатель действительно выявил исконно русские (российские) черты характера людей, бесконечно задумывающихся над «вечными» вопросами и не умеющими найти на них ответы, оттого и страдающих. И Н.Д. Старосельская абсолютно права, когда говорит о Райском как о предтече будущих чеховских героев, жалующихся на извечную русскую тоску по неведомому: «...езде сон, тупая тоска, цели нет, – жалуется Райский Вере. – ...Я хотел бы разыграть остальную жизнь во что-нибудь, в какой-нибудь необыкновенный громадный труд, но я

на это не способен, – не приготовлен: нет у нас дела!» В этих словах Райского слышится, на наш взгляд, важное признание, делающее его своеобразным «мостиком» между «лишними людьми» начала XIX века и чеховскими героями. <...> «Противоречия Райского углубились и сконцентрировались к концу века в героях типа Войницкого из “Дяди Вани”, Тригорина из “Чайки”, Иванова... Мираж дела и невозможность служить идеалу, разъедающий мозг и душу анализ и неспособность к подлинным чувствам, осознание того, что из тебя “мог выйти Шопенгауэр, Достоевский”, и неумение преодолеть суету повседневной жизни... <...>

Фактически И.А. Гончаров трансформировал проблему “лишнего человека”, выведя на первый план его психологическую несостоятельность, его “неумение жить” не только в обществе, но и в кругу узком, семейном. Тип, еще несколько преждевременный для русской действительности 50–60-х годов XIX столетия. Если, изображая нигилиста Марка Волохова, писатель опоздал, то, рисуя Бориса Райского, словно заглянул в не очень отдаленное, но все же – будущее»²².

В начале XIX века «открывал» галерею «лишних людей» грибоедовский Чацкий, отношение к которому было разным: снисходительное – А.С. Пушкина: «Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший некоторое время с очень умным человеком (именно с Грибоедовым...)»²³; уважительное – Ап. Григорьева: «Единственное истинно героическое лицо нашей литературы»²⁴; критичное у М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Один из “лишних людей”, – тип, исчерпавший себя, без будущего»²⁵. В гончаровском «Обрыве» вновь возникает тема Чацкого.

По наблюдениям А.А. Лебедева, «Райский, конечно, не Чацкий. Но в Райском есть нечто и от Чацкого. Райский – устаревший Чацкий, Чацкий подержанный, выродившийся. <...>

Катастрофически снижен у Гончарова и уровень общественных запросов и интересов героя. <...> У Райского высокий пафос гражданского донкихотства сменяется своего рода интимным рыцарством, игрой на турнирах “возвышенной” любви. И сам Райский осознает

это, хотя и не осознает известной выморочности *такого рода* романтизма в его годы. “Донжуанизм, – говорит Райский, – то же в людском роде, что донкихотство: еще глубже; эта потребность еще прирожденнее...». Исследователь убежден, что Райский – «вариант будущего Чацкого не в духе Герцена, а в духе Гончарова. И тоже реалистичный. В Чацком Герцена оказались развиты одни черты, заложенные уже в Чацком Грибоедова, в Чацком Гончарова – иные, но также присутствующие уже и в самом герое грибоедовской комедии. <...> И все-таки в Райском есть нечто и от Чацкого...»²⁷.

Для самого И.А. Гончарова Чацкий был вечным, вневременным типом. Не только в романе «Обрыв», но и в критическом этюде «Миллион терзаний» он высказывал мысль о том, что этот тип по значимости близок Дон Кихоту и Дон Жуану и что «каждое дело, требующее обновления, вызывает тень Чацкого», предсказывая появление новых Чацких – «крупных и видных» и «миниатюрных», играющих «скромную» роль «в тесном кругу», к которому, несомненно, относится Райский, так как сфера его борьбы узка: это «теснота семейств». Крупной фигурой Райский не стал, так как в нем, как в Чацком, не было стремления к общественной деятельности, политического и философского радикализма, способности заканчивать свои искания, по выражению Н.Г. Помяловского, «честной чичиковщиной» – не было всего того, что делало «лишних людей» 20–30-х годов своеобразными наследниками декабристов.

В романе раскрыта дилетантская сущность всех порывов Райского к общественно полезному делу: «Новые идеи кипят в нем: он предчувствует грядущие реформы, сознает правду нового и порывается ратовать за все те большие и малые свободы, приближение которых чулось в воздухе. Но только порывается...».

В XX веке Д.С. Мережковский развивает мысль И.А. Гончарова о том, что Райский – «ближайший сын Обломова»: «Райский – воплощение и развитие созерцательной, артистической стороны обломовского типа. Такие мягкие, впечатлительные и ленивые натуры – благодарная почва для художественного дилетантизма»²⁸.

Апатия, скука, равнодушие с годами все сильнее преследуют его. Размышляя над причинами и характером этой апатии, еще И.А. Гончаров объяснял: «...есть апатия, достигающаяся в удел после глубокого знакомства с жизнью, после упорной борьбы с ней: это не апатия, а усталость души, утрата вер, надежд и любовей, это человеческое раздумье, уныние и резигнация, может быть – даже ожидание чего-нибудь лучшего»²⁹. Именно эта «усталость души» все более и более гасила порывы Райского, когда он стремился найти для себя «дело», при этом понимая, что «дела у нас, русских, нет, а есть миражи дела». «Артистическая» личность, художник «от природы» Райский – один из тех людей, которые чувствуют в себе талант, но не умеют, по словам Веры, «приспособить» его к делу. Искусство Райский сделал самоцелью. Его эстетическое убеждение: «Вся цель моя, задача, идея – красота!», но искусство для него не стало смыслом жизни.

Борис Райский – это беспокойная, впечатлительная, артистическая натура, отрицающая установившийся порядок жизни, холодные и скучные правила. Он хочет испытывать борец сил, кипение страстей, игру чувств. Для Райского нет «мирной пристани: или горенье, или – сон и скука». Райский – романтик и в своей самооценке, и по мнению М. Волохова, и по убеждению автора романа. Вся поэзия жизни для Райского заключена в страсти. Этот культ страсти был свойственен когда-то юному Александру Адуеву. Оба они вносили в страсть, как и в жизнь вообще, свое романтически-поэтическое представление о действительности, но Райский был духовно богаче Адуева. Страсть для него не была ограничена лишь любовью к женщине. Страсть, красота для него были неразрывны с творческим вдохновением. Поклонение жизни, страсти и красоте у Райского – одна из характерных черт романтика, с которого И.А. Гончаров «сбрасывает» артистические одежды. В одном из монологов Волохова была вскрыта вся несостоятельность псевдоромантической болтовни Райского.

Райский был не способен испытывать сильную страсть. В этом он был похож на всех «лиш-

них людей», которые, подсознательно понимая свою неспособность любить, рефлексировали по поводу того, что любовь единственной женщины могла бы заполнить их жизнь, а сами бежали от любви, обрекая себя на одиночество: Онегин – от Татьяны Лариной, Печорин – от Веры Лиговской и Бэлы, Рудин – от Натальи Ласунской, Бельтов – от Любоньки Круциферской, Обломов – от Ольги Ильинской. Еще немного, и он повторил бы путь Обломова, найдя свой диван и свою Пшеницыну.

В какой-то мере Борис Павлович Райский – фигура переходная между Александром Адуевым и Обломовым. Несколько противоречивым кажется мнение самого писателя об этом персонаже: «Что такое *Райский*? Да все Обломов, то есть прямой, ближайший его сын... порождение праздности, барства, жизни без содержания и без цели...». <...> *Райский* – герой следующей, то есть *переходной* эпохи.

Не совсем убедительными кажутся представления о Райском как о «герое следующей, *переходной* эпохи». На наш взгляд, это связано с тем, что И.А. Гончаров задумывал показать Райского как героя 40-х годов, а появился он в 70-е. И.А. Гончарову удалось в образе Райского верно показать эволюцию «лишних людей» в 60-е годы. Они, несомненно, как писал А. Рыбаков, духовно и идейно измельчали «по сравнению с “лишними людьми” – дворянскими интеллигентами типа Печорина, Бельтова, Рудина, выступавшими с прогрессивной для своего времени критикой существовавших общественных условий. Ранее на романтиков типа людей сороковых-пятидесятых годов возлагали кое-какие надежды». Даже Н.Г. Чернышевский считал, что романтика либеральных исканий играла некую прогрессивную роль, хотя уже в 1858 году в статье «Русский человек на гонимых» он отказался от этой точки зрения. «В Райском Гончаров, – по замечанию А. Рыбакова, – выразил свое отношение к людям сороковых годов, показав, к чему некоторые из них пришли в пятидесятых, шестидесятых годах <...> раскрыв барски-дворянскую природу дилетантизма <...> двойственность этических, эстетических и социальных стремлений»³⁰.

Примечания

- ¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1961–1964. С. 314.
- ² Розанов В.В. К 25-летию кончины Ивана Александровича Гончарова // Новое время. 1916. 15 сент. С. 649–650.
- ³ Гончаров И.А. Письмо С.А. Никитенко от 8 июня 1860 года // Литературный архив. М., 1953. Т. 4. С. 116.
- ⁴ Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 82.
- ⁵ Мережковский Д.С. Гончаров // Д.С. Мережковский Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М., 1991. С. 134.
- ⁶ Старосельская Н.Д. Роман И.А. Гончарова «Обрыв». М., 1990. С. 35.
- ⁷ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 302.
- ⁸ Лотман Л.М. И.С. Тургенев // История русской литературы: в 4 т. М., 1982. Т. 3. С. 174.
- ⁹ Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики. М., 1994. С. 187.
- ¹⁰ Писарев Д.И. Соч.: в 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 7–9.
- ¹¹ Недзвецкий В.А. Романы И.А. Гончарова. М., 2000. С. 315.
- ¹² Соловьев Вл. Собр. соч.: в 10 т. СПб., 1911–1913. Т. 3. С. 191.
- ¹³ Там же. С. 179–180.
- ¹⁴ Недзвецкий В.А. Романы И.А. Гончарова. М., 2000. С. 30.
- ¹⁵ Отрадин М.В. «Сон Обломова» как художественное целое // Рус. лит. 1992. № 1.
- ¹⁶ Ганзен М.П. И.А. Гончаров. Переписка с П.Г. Ганзеном // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М., 1961. Т. 6. С. 85.
- ¹⁷ Котельников В.А. И.А. Гончаров. М., 1993. С. 129.
- ¹⁸ Лоциц Ю.М. Гончаров. М., 1986. С. 201.
- ¹⁹ Старосельская Н.Д. Указ. соч. С. 37.
- ²⁰ Там же. С. 96–97.
- ²¹ Там же. С. 101.
- ²² Старосельская Н.Д. Указ. соч. С. 100–101.
- ²³ Пушкин А.С. Письмо к А.А. Бестужеву (1825) // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 134.
- ²⁴ Григорьев А.А. Театральная критика. М., 1985.
- ²⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. В среде умеренности и аккуратности // Чернец Л.В. «Как слово наше отзовется...»: судьбы литературных произведений. М., 1995. С. 167.
- ²⁶ Старосельская Н.Д. Указ. соч. С. 71.
- ²⁷ Лебедев А.А. Грибоедов. Факты и гипотезы. М., 1980. С. 194–197.
- ²⁸ Мережковский Д.С. Указ. соч. С. 135.
- ²⁹ Гончаров И.А. – критик. М., 1981. С. 117.
- ³⁰ Рыбаков А. И.А. Гончаров. М., 1957. С. 301–303.

Fesenko Emilia Yakovlevna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Humanitarian Institute in Severodvinsk

«RUSSIAN HAMLETS» IN THE NOVELS BY I.A. GONCHAROV

The evolution of the «unnecessary person» type in the Russian literature of the second half of the 19th century is examined in the article on the basis of the novels by I.A. Goncharov. Oblomov and Raisky are compared with the characters of works by A. Pushkin, M. Lermontov, I. Turgenev, and A. Chekhov.

Key words: «unnecessary person», character type, archetype, romantic, artistic generalization.

Контактная информация:
e-mail: emily0509@yandex.ru

Рецензент – Николаев Н.И., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске